

Лана и Алексей Кигай

РУНА ЗМЕЯ

часть 2

Лана Кигай

Руна Змея. Часть вторая

«Автор»

2026

Кигай Л.

Руна Змея. Часть вторая / Л. Кигай — «Автор», 2026

Йормунганд выжил. Обрёл силу. Нашёл кров. Но в замке Валонхейм враги ближе, чем кажется. А друзья — дороже. Когда его отправляют в гиблые земли на поиски чудовища, Йормун сталкивается с главным выбором: Чем ты готов пожертвовать? Древний дракон в глубине озера уже знает ответ. «Руна Змея. Часть вторая» — мрачное фэнтези о цене силы и следах, которые магия оставляет на душе.

© Кигай Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лана Кигай, Алексей Кигай

Руна Змея. Часть вторая

Глава 1

- Так вы делаете зелья или нет? - резкий голос заставил Йормуна оторваться от реторты. Вот уже месяц он работал над способом получить зелье для успокоения нервов.

- Что? - спросил он просто чтобы что-то сказать. В проёме стояла женщина с орлиным носом, бровями вразлёт и отпрыском, во всём на неё похожим. Отпрыску лет восемь или меньше. Он ковырялся в носу и смотрел на Йормуна исподлобья.

- Вы делаете зелья? - повторила его мать. Она будто не видела множества склянок, залитых сургучом, на полках. Они отблескивали в пламени свечей разноцветными стёклами, пахли травами так, что с непривычки кружилась голова.

- Да, но я сейчас занят, - сказал Йормун, стремительно соображая, кто эта женщина. За месяц он так и не смог запомнить всех обитателей замка. К тому же многие лица исчезали так же стремительно, как и появлялись: мелькнули на пиру и тут же укатили в собственные земли.

- Мне нужно зелье для мужа, - женщина скрестила руки на груди. - Сколько будет стоить? «Может, чьято родственница», - подумал Йормун. Он выпрямился. Субстанция, над которой он работал, требовала внимания и соблюдения жесточайших пропорций.

- Я занят, - повторил он.

- Так сколько? - нетерпеливо повторила женщина.

- Впервых, кто вы? Я здесь недавно и не знаю всех в лицо. Вовторых, что за зелье вам нужно? Я понял, что для мужа. Но какое? Противоревматическое? От подагры?

- Да как вы со мной разговариваете?! - вскинулась женщина. - Выскачка пришлая, ещё и издевается! Я же сказала: для мужа! Что непонятного?

- Что нужно твоей матери? - спросил Йормун ребёнка.

Тот вынул палец из носа, внимательно осмотрел его и сказал:

- Чтобы были ещё дети.

- О, - сказал Йормун сочувственно. - Я сейчас поищу. С вас три серебра.

- Что?! - женщина вытаращилась на него круглыми глазами.

- Это сильное средство, - сказал Йормун. - Другое не поможет. И эффект будет очень кратковременным, имейте в виду. Но для ещё одного ребёнка хватит.

- Так и знала, вы - шарлатан, - заявила женщина и с гордым видом удалилась, волоча с собой за руку сынишку.

Йормун так и не понял, кем же она была. На следующий день он велел Севалю стоять у двери и отгонять посетителей, прежде чем докладывать об их приходе Йормуну.

- Не справишься, я попрошу Ругера, - пригрозил он. Ругера знали как самого склочного, самого неприятного, самого навязчивого и сварливого слугу, какой только может быть. Другие слуги его терпеть не могли, дети плакали, а служанки плевали вслед.

- Сами пожалеете, если возьмёте его, - не дрогнул Севаль.

- Я уже говорил с ним и с Эйриком, чтобы взять Ругера на службу.

Севаль заметно передёрнуло.

- А ты будешь помогать мне в прочих делах, - сказал Йормун. - Тебе же надо о чём-то докладывать: что делаю, с кем разговариваю.

Севаль покраснел.

- А может, в ученики себя возьмёте?

Йормун приподнял бровь.

- Ворожба - женское дело, - сказал он. - Да и Сиги не понравится.
 - Да князю знать необязательно. Я ведь и сам могу решить, что сказать, а что соврать,
 - он подмигнул Йормуну.
 - Только совсем лишнего не ври, - сказал Йормун и похлопал слугу по плечу.
- Севаль счастливо улыбнулся.

Через пару дней у дверей Йормуна и в самом деле появился Ругер. Роста он был небольшого, с сильными руками и кряжистый. Впечатление портила борода: как Ругер ни старался, росла она редкой, да и на голове волос было негусто. В настроении он всё время находился в отвратительном. Всё чтото портило ему существование: то обед невкусный, то девка не так посмотрела, то телега грязью забрызгала, а чаще - всё разом. Исполнительностью Ругер не отличался, хозяев не уважал, но с Йормуном неожиданно сошёлся. То ли потому, что Йормун его почти не замечал, пока он гонял знатных зевак от его дверей, то ли надеялся, что уж магто подскажет ему, как отрастить шевелюру погуще.

Про мага стали говорить, что он зазнался и много себе позволяет, но князь пропускал разговоры мимо ушей. А на Йормуна стали поглядывать с уважением.

Единственная, кто могла пройти свободно, без задержки и в любое время, - оказалась Хельга. Закутанная в серое покрывало, она, как тень, проходила мимо стража бесшумно - серая и неясная в сумеречном свете. Йормун отчасти привык к её визитам, но всё же даже для него они становились неожиданностью каждый раз.

- Всё больше и больше людей желают твоего внимания, колдун, - произнесла Хельга в очередной визит. Она разговаривала низким протяжным голосом, от которого у мужчин ныло внизу живота. Йормун немного возгордился собой, что сумел не вздрогнуть от неожиданности: так внезапно она оказалась возле его стола и вообще в комнате.

- Айе, ведьма! - произнёс он, оборачиваясь к женщине. - Могла бы постоять в очереди, раз такое дело.

Она фыркнула, сдув локон с лица, облокотилась на стол рядом с Йормуном и заглянула в реторты, принюхалась.

- Добавь зверобоя, - сказала она.

- Благодарствую за совет, - сказал Йормун, не пошевелившись.

- «Раз такое дело», «благодарствую», - передразнила она. - Тебе следует поменьше водиться с Гарриеттом. Нахвтался его словечек. Да и окружение под стать. Они тебе хотя бы платят за мази и притирки?

- Платят, и недурно, - сказал Йормун. - Ко мне ходит много простого люда, просят поделиться мудростью. А знатные всё больше норовят ухватить чтонибудь бесплатно, ещё и обругать при том. К тебе же, я так понимаю, кроме князя никто не смеет обратиться. Я думал, будет иначе.

- Потому что я ведьма, - сказала Хельга.

Йормун развёл руками.

- И чем же могу помочь ведьме? - спросил он устало. - Ты ведь тоже навещаешь меня не просто так.

Хельга поджала губы. Она глубоко вздохнула, прежде чем заговорить. И когда она заговорила, Йормун понял, что для неё он так и остался пленником по ту сторону решётки.

- Не старайся заменить Дочерей, мальчик. Не пытайся воспроизводить их снадобья, не старайся понравиться людям - они неблагодарны. И не позволяй слугам распускать о тебе слухи. Это всё, о чём я прошу тебя.

- Ты мне не мать, Хельга. И не сестра, - сказал Йормун.

- Я прошу тебя, Йормунганд, сын Лодура, не привлекай к себе лишнего внимания. Ради себя самого. Не допускай ошибок твоего отца.

Йормун изогнул губы в улыбке, но теплота не коснулась его зелёных глаз.

- Я обдумаю твою просьбу, Хельга. А теперь, будь добра, передай мне вон тот мешочек с сухим зверобоем.

Когда дверь за Хельгой закрылась, Йормун раздражённо бросил мешочек на стол - сухой зверобой сизым облачком разлетелся по тёмному дереву.

- Много ты знаешь, ведьма, - зло проворчал он.

Следующим утром явился толстый купчина в кафтане, расшитом такой плотной вышивкой, что ткань под ней почти не просвечивала. От него пахло потом и дешёвыми духами.

- Ты и есть колдун? - спросил он, не здороваясь. За его спиной маячил Ругер и заискивающе улыбался - примите, мол. Купчина явно сунул ему монету.

Йормун едва поднял голову. Он растирал в ступке сушёную полынь - для настойки от лихорадки.

- Айе! А что вдруг случилось, что понадобился именно колдун? - спросил он настороженно. Севаля, как назло, рядом не было: он ушёл утром за свежими травами. Но и Ругер не уходил - мялся возле порога.

- Я господин Бернхёф, - купчина выпятил грудь. - Торгую сукном. У меня проблемы с конкурентами.

- Мои соболезнования.

- Ты можешь наслать на них порчу? - Бернхёф приблизился, понизив голос. - Чтобы товары у них гнили, а жёны - воровали? Или чтобы дети ну, сам понимаешь.

Йормун отложил пестик. Его зелёные глаза блеснули в полумраке.

- Понимаю, - сказал он спокойно. - Ты хочешь, чтобы я убил чужих детей за то, что твоё сукно хуже продаётся.

- Я не - начал Бернхёф.

- А чего ты хочешь? Я тебя неправильно понял? Ты хочешь, чтобы я наслал такую порчу, чтобы другие купцы вмиг забыли о прибыли и бросились что? Спасать детей за любые деньги? Разводиться с жёнами, ссориться между собой? А не улучшить качество сукна, например? Не заколдовать его както, чтобы женщины в платьях красивее становились или спалось крепче под одеялами? Этого ты не хочешь, а хочешь смертей и страданий - от меня. Пшёл вон! - разошёлся Йормун. - И запомни: тот, кто просит проклятия на детей, сам получит его вдвойне. Не от меня - от жизни.

Купчина попятился, наткнулся на дверной косяк и вылетел вон, бормоча чтото про «выскачок» и «шарлатанов».

Йормун вернулся к ступке.

- Ругер, - сказал он. - Запомни этого. Если придёт ещё раз - вылей на него ведро воды. Лучше грязной. И денег не бери. Узнаю - выпорю.

Ругер низко кланялся, чуть лбом об колени не ударялся, и ретировался за дверь.

В тот же день, ближе к вечеру, явилась женщина в сером шерстяном платье. Её бедное лицо будто выцвело - даже с губ ушла краска, только красноречиво багрянели синяки под глазами.

- Господин колдун, - сказала она, падая на колени прямо на пороге, - мой муж Он меня бьёт. Каждую ночь. Я уже не могу. Помогите.

Ругер замер с метлой в руках, не зная, гнать или впустить. Йормун вздохнул. Он подошёл к двери, присел перед женщиной на корточки.

- Как тебя зовут?

- Эрна, господин.

- Эрна, - он взял её за подбородок, поднял лицо, - я не могу сделать так, чтобы муж тебя полюбил. Не могу отнять у него руки. И проклинать его тоже не буду. Проклятие сильнее бьёт того, кто его заказывает.

Это было неправдой. Йормун знал, что может и умеет многое. Стоило только снять амулет, подаренный Хельгой, с шеи - но он не хотел рисковать изза незнакомки. Муж умрёт, а глупышка начнёт убиваться и захочет отомстить.

Но сейчас женщина заплакала - тихо, без надежды.

- Но я могу коечто другое, - сказал Йормун. - Я сделаю тебе амулет. Не от мужа - от страха. Пока ты будешь его носить, ты не будешь бояться. А когда перестанешь бояться - сама решишь, что тебе делать: бежать ли от мужа или дать отпор. Это будет твоё решение.

Он вынул из кармана маленький деревянный кругляш с нацарапанной руной - Турисаз, руна защиты.

- Возьми. Носи на шее, под одеждой. Никому не показывай.

- Сколько я должна? - прошептала Эрна.

- Ничего, - Йормун поднялся. - Ругер, проводи госпожу.

Севаль восторженно цокнул языком.

- Ловко вы, - сказал он, когда женщина уже ушла. - Знаю эту Эрну. Она в юности красавицей была. Муж её любит без памяти, да ревнивый. Как выпьет, так и

- Жизнь свою пропьёт, - проворчал Йормун. - Слушай, Севаль, ты бы лучше работал, чем языком болтал.

- Амулет - хорошее дело. Обучите меня - как сделать амулет на богатство?

- Сразу после того, как освоишь амулет от запора, - пообещал Йормун. Он снова тяжело вздохнул. Он и в самом деле стал кемто вроде Дочери. Только что Луне не хватало молиться.

Дочери

Он подумал о Ванадис, потом о Хельге. Провёл рукой по лицу - будто для него других женщин не найдётся.

Вечером, когда свечи уже догорали, а в окна стучал ветер, к нему заявился тощий мужичонка с масляными глазками и золотым зубом.

- Слышал, ты руны чертишь? - спросил он, присаживаясь на край стола без приглашения. Ругер едва успел сообщить о посетителе, а Севаль маячил неподалёку, притворялся, что читает книгу, - только держал её вверх ногами. Посетитель пришёл непростой, и Йормун беспокоился изза его вероятной просьбы.

- Есть такое, - сказал Йормун и щёлкнул пальцами. Севаль отбросил книгу и бросился наливать вино в низкие позолоченные кубки.

- Начерти мне такую, чтобы бабы сами в штабеля падали. Чтобы ни одна отказать не могла.

Йормун вздохнул с облегчением и раздражением одновременно. «Ещё один», - подумал он.

- Любая баба или какаято конкретная? - спросил он. - Потому что если любая - то у вас на то есть свои методы. А если приходят ко мне - значит, отказала какаято конкретная.

- Любая! - заявил посетитель с вызовом. - Просто чтобы вот смотрели на меня влюблёнными глазами.

«Как ты дожилто до своих лет, дурень?» - подумал Йормун, внутренне застонав.

- Знаешь, что будет, если я начерчу такую руну?

- Ну? - мужичонка аж подался вперёд.

- Ты получишь женщину. Любую. Которая будет лежать под тобой, как рыба на льду. Без чувств, без желания, без души. И в ту же ночь ты поймёшь, что ложишься с мёртвой. А утром - возненавидишь её за это. А она - тебя. И так каждый раз.

Мужичонка побледнел, но не двинулся.

- Я говорю серьёзно, - сказал Йормун. - Любовь не берут силой. Любовь дарят. Если ты не умеешь её заслужить - не вини руны.

- А если я заплачу?

«А до этого, значит, ты платить не собирался?» - подумал Йормун, закипая, но внешне оставался холодным.

- Заплати - и получишь проклятие, - Йормун усмехнулся. - Хочешь проверить?

Мужичонка встал и вышел, не попрощавшись.

Ругер, всё это время стоявший у двери, хмыкнул в бороду.

- Господин, - сказал он, - вы так всех разгоните.

- Хорошо, - ответил Йормун и отхлебнул вина. - А то я себя уже деревенским знахарем чувствую. Тому помоги, этой притирку продай. Почему я? Почему не Хельга?

- Хельга уж того накушалась полной ложкой, - сказал Ругер ворчливо. - Поначалу была как вы, всем помогала, а потом обозлилась на чтото и никого больше не подпускает. Только вот с вами и с Эйриком разговаривает. А теперьто, после женитьбы князя, снова придётся братья за ремесло. Того она сюда ходит - знает, что соперничать с вами придётся.

- А может, и не поэтому, - вставил Севаль с хитрецей в голосе.

- Вино кислое, Севаль, принеси хорошего, - оборвал его Йормун.

Через несколько дней Ругер, обходя таверны в поисках свежего хлеба, услышал, как двое подвыпивших стражников спорили у стойки.

- Он сказал: «Любовь дарят, а не берут силой». Слышал?

- А я слышал, он сказал: «Кто просит проклятия на детей - сам получит».

- Врёте оба. Мой кузен был там. Колдун сказал: «Не бойся - и страх уйдёт».

- А мой брат говорит, он велел одному купцу: «Уйди, пока я не превратил тебя в жабу».

- Жабу? Да ну, враки всё это.

- А что, ты видел его? Видел? Как он на тебя посмотрит - сразу всё поймёшь.

- Неправда это! - выпалил Ругер. - Вот пусть господин меня выпорет, а я скажу!

Сплетники с интересом уставились на кряжистого мужичка с горящими глазами. Даже цветочница перестала подзывать покупателей и подошла поближе, покачивая объёмной корзиной, полной душистых маргариток.

- Он у плохих людей душу вынимает, а в хороших - зажигает, - заявил Ругер. - Сам видел, как от него выходят то с мёртвыми глазами, то сияют, точно звёздочки на ясном небе.

- А чего же он твою душу не вынул? - окинул его взглядом один из стражников. - Ты хороший человек, значит?

- Не до конца потерянный, - с достоинством сказал Ругер и пошёл дальше - покупать хлеб и лук для ужина.

Через несколько дней Йормуна прилюдно ударила девушка - совсем ещё девчонка, с серыми глазами и перехваченной простой лентой светлой косой. Йормун видел её иногда возле Хельги: то они вместе шли по двору, то девушка прислуживала у стола. Йормун мало обращал на неё внимания, пока не получил по лицу.

Йормун сделал шаг назад. Всё произошло в пиршественной зале, где, по обыкновению, князь собирал своих вояк, чтобы отметить начало нового дня. Жена князя с интересом взирала, как девчонка, взмахнув юбками, перепрыгнула через низкий стол, добежала до Йормуна и влепила ему звонкую затрещину.

Он замер от неожиданности. А через мгновение сам замахнулся. Севаль ловко перехватил Йормуна за запястье - он прислуживал Йормуну во время трапезы.

- Оставьте, господин, - горячо зашептал он. - Это Элоди, дочка Хельги.

- У Хельги есть дочь?! - Йормун сказал это громче, чем следовало. Он опустил руку и воззрился на девчонку, которая с вызовом глядела на него сероголубыми глазами. Теперь Йормун и в самом деле улавливал некоторое сходство.

- Есть! И я не позволю обижать маму!

- Меня не нужно защищать, милая! - испуганная Хельга обняла дочку за плечи и взглядом умоляла Йормуна уйти. На них глазели, уже начали перешёптываться. К Йормуну с кривой улыбкой, перепрыгнув через стол, подлетел Гарриетт и заслонил от него девчонку.

- Хорош, - сказал он тихо. - Чего ты? Она же не в себе.

- Я в себе! Я в себе. Пусти меня, мама! - взвизгнула Элоди.

- Прекратите! - голос Сиги перекрыл возникший шум. - Йормун, не смей замахиваться при мне на женщин. А ты, Элоди, подойдешь ко мне и объяснишься. Сейчас же!

Гарриетт потянул Йормуна за рукав прочь из зала.

- Пойдем, - говорил он на ходу. - Пойдём, пойдём, хоть раз поедем как люди. Пропустим пивка, заедим рыбкой. А? Ты же любишь рыбку? Жареную, копчёную, солёную. Пойдём.

Йормун позволил себя увести.

- Да что нашло на эту выдру? - Йормун тер щеку, отчего она только еще больше краснела.

Гарриетт протащил его почти до живой изгороди, что отделяла сад с беседками и вымощенную темно-синем камнем площадку перед воротами. Мимо прошла кухарка, с подвернутым фартуком. Ее пухлые щеки лоснились, а на подбородке красовался толстый, налившийся багровым прыщ. Узкие глазки с интересом скользнули по ладным фигурам Гарриетта и Йормуна.

Йормун проводил кухарку взглядом. Отчего-то подумалось, что обедать в доме Сиги ему больше не придется. Он не успел ухватить эту мысль и понять, предчувствие это или просто непрощенная мысль, что уходят и приходят, не оставляя следа.

Щека все еще горела.

- Да, тяжела ручка у девушки, - сказал Гарриетт. - Надо бы чего-нибудь холодного приложить.

- Обойдусь, - буркнул Йормун. - Ты что-нибудь об этом знаешь? Почему эта Элоди на меня вдруг взелась?

Гарриетт отвел взгляд, но при этом ухмылялся.

- Гарриетт?

Тот воровато огляделся и быстро заговорил, понизив голос:

- Хельга - это бывшая Дочь, так про неё говорят. Ведьма. Последняя ведьма Севера. У них с князем раньше была любовь, а Башни были против - ну и произошло изза этого всякое.

Йормун медленно кивнул, будто уже слышал похожую историю.

- Ты знаешь, у Сиги не было детей, ни с женой, ни с другими женщинами. А их, поверь, было немало. Ни одна не понесла. Трое както пробовали соврать, будто забеременели. Да после родов сразу стало видно, что детито не княжеские: ни черточки его не нашлось - ни волоска, ни ушка. А тут, хоп, и Хельга явилась и тоже заявила, что забеременела и родила от князя. Предъявила девчонку. И, вроде как, сходство есть, но, сам понимаешь

- Запутанное дело, - пробормотал Йормун. - Хельгу князь не прогнал.

- Но и дочь не признал, - сказал Гарриетт. - А теперь и сами знаете - женился.

- С моей помощью, - пробормотал Йормун и потёр висок. - Теперь девочка на меня обижена, а её мать - тем более.

- Сдаётся мне, госпожа Хельга больше всего обижена не на тебя, - вздохнул Гарриетт. – К тебе она чувствует не обиду.

- О чем ты? Хельга приходит ко мне, мы говорим о зельях и проклятиях, и только.

- Желторотый ты еще щенок в плане женщин, Йормун, - беззлобно сказал Гарриетт. –

Аж оторопь берет.

Глава 2

- Элоди! - князь одним словом умел показать, насколько он подавлен, разочарован, раздосадован и устал. Его новая жена с непроизносимым именем умела показать всё то же самое одним взмахом ресниц. Юная, гораздо моложе князя, она восседала от него по правую руку.

Хельга замерла за спиной дочери и смотрела прямо перед собой, ни на князя, ни на его жену.

- В чём дело, Элоди? Колдун чемто обидел тебя? - спросил Сиги чуть мягче.

Раннвейг фыркнула. Она сделала это тихо, но так, чтобы Элоди услышала. Девушка уставилась себе под ноги. Хельга положила руку на её плечо.

- Моя дочь - начал она.

- Её надо выдать замуж, - сказала Раннвейг. - А колдуна отослать на какое-то время.

- Что ты имеешь в виду? - Сиги с недоумением обернулся к супруге..

- Если, конечно, - Раннвейг перевела взгляд на Хельгу, - ты не желаешь зла девушке. Она вверена твоей опеке. Ты же не хочешь, чтобы она оказалась беременной от знатного ирмунсуца, пришедшего сюда в лохмотьях, а теперь живущего под твоим крылом будто принц? Не так ли, супруг мой?

Раннвейг склонила голову к плечу. В высокой причёске сверкнули аккуратно вплетённые серебряные нити: тонкой паутинкой они вились вдоль тяжёлой косы.

- Да ничего подобного же, - начала Элоди. Девушка шмыгнула покрасневшим носом, Хельга чуть сжала руку на её плече.

- Не теряй самообладания, девочка, - сказала Раннвейг. Она откинулась на кресло и погладила уже выступающий животик.

- Это решать мне, когда моей дочери выходить замуж и за кого, - сказала Хельга скрипучим голосом. От её взгляда, казалось, вотвот загорится стена. Раннвейг сделала вид, что ничего не замечает. Она пожала плечами, обтянутыми тонкой нежно-голубой тканью покрывала.

- О том не нам судить - мы всего лишь женщины, - произнесла Раннвейг с лёгкой улыбкой. - Я правильно сказала, супруг мой?

Она коснулась руки князя. Тот бросил на неё быстрый неприязненный взгляд. Раннвейг улыбнулась ещё шире.

- И мы желаем лишь добра милой девочке. Хельга, верно? Или Хильда? В общем, милая, если ты не научишь девушку правильно вести себя, то будущий муж займётся её воспитанием. Или у тебя другие планы на дочь? Сделать её Дочерью Луны, например? Жаль будет загубленный цветок. Увянет раньше срока.

Хельга судорожно вздохнула.

- Идите! - князь переменил положение в кресле. - Элоди, впредь владей собой. Ступай в свои покои и не выходи оттуда, пока я не позволю. Хельга, присматривай за ней.

Он упорно избегал взгляда бывшей жрицы. Она же стояла бледная, как лик самой Луны, с потемневшими от ярости глазами.

Раннвейг снова погладила живот. Она сделала скучающий вид и отвернулась от женщин, пока они не ушли. Хельга волокла дочь за руку, тихо выговаривая ей. У Элоди дрожали губы, но она упрямо сдерживала слёзы.

- У нас половозрелая дикарка на руках, - холодно произнесла Раннвейг, едва они отошли на приличное расстояние.

- Не говори так о ней, - сказал князь сердито.

Раннвейг реплику проигнорировала.

- Теперь нам надо организовать новый брак, уже для твоей недочки. Выдадим её за кого-нибудь богатого и влиятельного, кто возьмёт её, чтобы угодить тебе.

- Я больше беспокоюсь о её счастье.

- Явившись в одной сорочке к дверям колдуна и умоляя взять её, она, безусловно, будет счастлива, - сказала юная княгиня с презрением.

Сиги хлопнул ладонью по столу. Получилось внушительнее, чем кулаком. Женщина притихла.

- Не носи чушь, - спокойно сказал князь. - Они не говорили между собой до сего дня.

- Её мать дружна с этим колдуном. Не сводня ли? Но не сердись, не сердись, мой князь, - Раннвейг поспешила добавить в голос мёд и масляно улыбнулась князю. - Я, верно, ошиблась, а ты во всём прав, душа моя. Хельга ведь сама ещё не совсем стара, пусть колдун и годится ей во внуки. То есть в сыновья, конечно, я хотела сказать - в сыновья. Не сердись.

Хельга торопливо пробежала мимо Гарриетта и Йормуна, даже не взглянув на них. Она тащила за руку дочку. Лицо Элоди блестело от слёз, она то и дело всхлипывала.

- Могла и попросить прощения, - тихо проворчал Йормун. - Это же дочка меня ударила. Ещё и при всех.

- Скорее она заставит извиняться тебя, - заметил Гарриетт.

- Что? За что?!

- Ну - протянул Гарриетт. - Например, за то, что замахнулся, за то, что неправильно понял. Да и вообще - ты виноват хоть тем, что вообще появился в Гладшейне.

- Пусть отправляется к моей матери в Ирмунсуль и пожалуется ей, - с сарказмом сказал Йормун. - Хотя мать, наверное, не в Ирмунсуле сейчас.

Он замолчал, уставился под ноги и горько нахмурился.

- Я предупреждал тебя, что надо вести себя осмотрительно, - понизил голос Гарриетт. - Говорил тебе, что про людей хорошо бы знать побольше: кто, с кем, зачем. Так будешь избегать неприятностей и получишь для себя что-то хорошее.

Йормун никак не мог вспомнить, насчёт чего это предупреждал его Гарриетт. В сущности, большинство разговоров с Гарриеттом сводились к невероятным произошедшим с ним историям, сплетням и наставлениям. Гарриетт стремился учить жить и стать наставником для молодого ирмунсульца. Но Йормун относился к Гарриетту так же, как и к любому другому, кто набивался к нему в учителя, - не слушал. Или, вернее, слушал лишь то, что хотел.

Теперь его избирательность выходила боком.

- Да не хочу я ничего знать. Не нужны мне все эти тайны: кто кого любит, кто кого предал. Мне все эти люди не оченьто интересны, и отношения у них такие же скучные, как они сами, - сказал Йормун.

Гарриетт огляделся. Рядом мог быть кто-нибудь из осведомителей Эйрика. Гарриетт заметил девочку, костлявую, с короткими волосами: она водила грязной тряпкой по узорчатой кладке садового забора и, судя по потерянному виду, выпала из реальности. Того гляди, тут же упадёт и уснёт. Мимо пробежала прачка, нагруженная корзиной с грязным бельём. Несколько стражников вышли погреться на солнышке и пощёлкать семечки.

- Даже не знаю, что сказал бы твой отец на это. Он слывёт хитроумным, ловким и точно знает, что почём.

- Я. Не. Мой. Отец.

- Знаю, знаю. Только, как говорится, не легче. Что ты теперь делать будешь?

- Делать? - Йормун удивлённо поднял бровь. - Ничего. Что я должен делать? Игнорировать её притязания.

Гарриетт рассмеялся. Он смеялся добрые две минуты, сотрясаясь в плечах и прикрывая рот кулаком.

- Что? - Йормуна веселье Гарриетта вовсе не заразило.

- Тебе надо уехать на время, - сказал Гарриетт, отсмеявшись.

- Какого?.. Ты хоть представляешь, сколько у меня работы? Я для этого нанимался к Сиги? Чтобы опять мотаться от деревни к деревне? Тебя такая жизнь устраивает, но не меня. Я странствиями наелся до отвала, по самое горлышко хватило. Месить дорожную грязь, жрать всякую погань по постоянным дворам, слушать пьяных дебилов, что вечно лезут во всяком дворе. Что, уже не смешно?

Гарриетт смотрел на Йормуна со смесью удивления и жалости. Йормун выкинул старый дорожный плащ. Тот потерял глубокий синий цвет, став безжизненносерым. Теперь молодой человек носил шёлковые рубашки и бархатные кафтаны. Он не скупился на тонкую отделку по специальному заказу: множество змей переплетались в дивном ирмунсульском узоре по подолу и рукавам. Йормун вновь начал разговаривать властно со слугами, делая послабления лишь Ругеру и Севалу, но и то небольшие.

Йормун снова превращался из бродяги в сына Ангаборды, сына Лодура, наследника Ирмунсуля.

Гарриетт вздохнул. Рано или поздно стеклянный замок Йормуна рухнет. И лучше, чтобы скоро, пока он, Гарриетт, рядом.

- Элоди так этого не оставит, - сказал Гарриетт. - Она унизилась перед всеми. Хельга так этого не оставит - она любит дочь. Сиги этого так не оставит, и, что важнее, Раннвейг постарается вытянуть из произошедшего всё возможное. Элоди выдадут замуж, а тебя либо сошлют, либо отравят.

Йормун ухмыльнулся.

- Отравят? Меня? Я автор практически всех ядов, что есть в округе. Не смогут и не посмеют.

- Кроме печёной картошки с карасями, - сказал Гарриетт. - К этой отраве ты непричастен. Йормун дёрнул уголком губ.

- Да, кроме вот этого блюда. Кухарка тут справляется без меня.

- Я слышал, ещё один человек занемог, - сказал Гарриетт.

- Помощник псаря, - сказал Йормун, понизив голос. - Ещё говорят, что остатки картошки по ошибке выкинули свиньям, и они все издохли.

Гарриетт ахнул.

Они оба помолчали, отдавая должное способностям кухарки.

- Хельга равнодушна к тебе. Тебе придётся считаться с её чувствами, - сказал Гарриетт наконец.

- Ты признаёшься мне за неё и вместо неё, - вздохнул Йормун. - Не такой я тёмный, как ты думаешь. Я лучше вовсе её избегать.

- Если тебя смущает её внешность или возраст

- Ещё в нашу первую встречу, - сказал Йормун, - когда впервые её увидел поодаль от Сиги, я подумал, что она - Дочь. Что одна из них всё же нагнала меня и пришла по мою душу.

- Разве ты и Ванадис не?..

- Слухи не врут, но и не говорят правду. Когда я бежал, Ванадис преследовала меня в снах, Дочери преследовали наяву. И Элоди, какой бы она ни была, для меня сродни им. Я не могу, не могу даже смотреть на неё. Не смогу прикоснуться к ней. Со временем, возможно, это пройдёт. Да, пройдёт, но для меня она женщина не больше, чем узорчатые ворота в сад.

И Йормун кивнул на ворота, что тускло блестели тёмным металлом в тени листьев.

- А симпатичные ворота, - сказал Гарриетт.

Йормун ткнул его кулаком в плечо.

- Если тебя не знать, то можно счесть твою холодность за благородство, - сказал Гарриетт.

- Ты и в самом деле не похож на своего отца. Пожалуй, ты даже больше эгоист, чем он.

Развязка наступила быстрее, чем Гарриетт предполагал. Карающая длань Сиги накрыла и его. Как и в день, когда он отстаивал Йормуна перед князем, он вновь оказался преклонённым - на этот раз перед княжеской четой.

Эйрик и Хельга не присутствовали. Гарриетт догадывался, что при новой госпоже их положение не просто пошатнётся, а рассыплется. Эйрик затаился, Хельга ходила в расстроенных чувствах.

Сиги принимал его не в зале, а в личных покоях. Деревянные стены завешаны коврами, тяжёлый полог скрывал княжескую опочивальню. Но и тут Сиги восседал на высоком стуле с резной спинкой, а под ногами его стояла скамеечка с бархатной подушечкой. Раннвейг стояла рядом, положив тонкую ладонь мужу на плечо. Накидка, в которую она укуталась, соскользнула, показывая глубокий ворот атласного платья, натянутого на крепкой груди. Светлые волосы Раннвейг слегка растрепались, будто она только встала с постели, но серебряное украшение так и светилось в светлых волосах, как тонкая паутинка. На лице Раннвейг читались гордыня и решимость.

Йормун не рассказывал, как убедил любовницу Хейдмара выйти за Сиги, но без чар явно не обошлось. И теперь Раннвейг собиралась отомстить. Гарриетт старался смотреть мимо неё. Подобострастного взгляда не получалось, а иного она бы не потеряла.

- Мы получили донесение, - сказал Сиги, и голос его прозвучал глухо, как будто слова давались с трудом. - Хмм, мм, в западной части наших провинций

Гарриетт подавил усмешку. Западная часть провинций представляла собой маленький клочок земли между скалами с одной стороны и болотными равнинами - с другой. С землями Йорда их разделяла лишь речушка, называемая Иголинд. Имя ей дали древние поселенцы, от народа которых ныне осталось человек пятьдесят, не больше. Совсем полная, беспросветная дыра.

- Появилась некая тварь, нападающая на путников. Возьми небольшой отряд и проверь, так ли это. Наверняка лютуют волки или медведи, но хранить безопасность проезда через наши земли - наш долг.

Сиги выражался непривычно пафосно, и лёгкая дрожь пальцев выдавала его нервозность.

Гарриетт склонил голову.

- И возьми с собой Йормуна, - сказал Сиги быстро и даже с облегчением. Наконецто он сказал главное.

- Конечно, - произнёс Гарриетт, удивляясь про себя, с чего это Сиги так волнуется, давая простое задание, даже если суть его - убрать с глаз долой неугодного колдуна.

- И ещё, - сказала Раннвейг, - постарайтесь остаться там подольше.

- Мы вернёмся, как только с неизвестной тварью будет покончено, госпожа, - сказал Гарриетт с улыбкой. Он попрежнему избегал смотреть на неё. Раннвейг внушала ему иррациональное беспокойство, будто кошка скребла по сапогу. Но Йормун убедил её сделать что-то против её воли. А значит, не стоит бояться, находясь на стороне сильнейшего. Йормун не проиграет ей. Но осторожность не помешает.

- Мы выдвинемся немедленно, - сказал Гарриетт.

- У нас есть небольшой подарок для Йормуна, - продолжила Раннвейг. Гарриетт нахмурился.

- Поскольку он, верно, занят сейчас Мы посылали за ним, но слуги не нашли его. Надеюсь, он не покинул нас, как некогда Альфедра. Йормун думает, что князь зол на него и сожалеет о потере расположения князя. Постарайся разубудить его. Нет никого, кто был бы приятнее нам, чем Йормун из Ирмунсуля.

Гарриетт нахмурился ещё больше. «Что несёт эта женщина?!» - подумал он.

- Будь добр, передай ему, - и Раннвейг протянула Гарриетту шкатулку из темного дерева, окантованную металлом. Простая гладкая крышка и ни намёка на замок, но, когда Гарриетт попытался как бы ненароком открыть её – не поддалась. Гарриетт поклонился.

- Я передам.

Стража у башни пропустила его без вопросов. Йормуна уже начали узнавать, и, в какойто степени благодаря Гарриетту, стража и воины относились к нему со сдержанной лояльностью. Защитные руны, которые Йормун накладывал на оружие, тоже поспособствовали.

Башню явно достраивали, сделав её повыше. Кладка поменялась примерно с двух третей её высоты. Серый камень, которым был выложен замок, сменился тёмнокоричневым камнем - мягче и легче. Ступеньки, хоть и были сделаны позднее нижних, уже обсыпались. Мелкая крошка пыли разлеталась у Йормунгандовых сапог. На стенах плясали отсветы от факелов, рождая таинственные и тревожные тени.

Перед верхом башни находилась каморка тюремщика. Оттуда, изза прикрытой двери, слышалось треньканье лютни и приятный басовитый голос, выводящий песенку о чудесной деве изза моря, что ждалаждала своего возлюбленного моряка, да утопилась.

Йормун постучал. Пение прекратилось, и за дверь высунулся приземистый тюремщик с картошкойносом. Кислый запах заставил Йормуна поморщиться.

- Я к цвергу, - сказал он. - По приказу Сиги, - добавил он на всякий случай, понимая, что тюремщик не будет проверять его слова.

Тюремщик кивнул и вновь исчез за дверью. Через несколько минут он вышел, кутаясь в длиннополый кафтан. Ключи брякали на поясе, и тюремщик кряхтел, пока отворял тяжёлую кованую дверь.

Большинство камер в башне пустовало, и Йормун догадался, что раньше, до появления Бьярне, башню никак не использовали. Разве что как склад или наблюдательный пункт. Или разводили здесь голубей - впрочем, последнее Йормун считал сомнительным.

- Здесь он, - прохрипел тюремщик. - Скажите князю, что тяжело всяческое железо в такую высоту тащить. Пуцай чтонибудь придумают его советники для того, чтобы простые люди задаром не надрывались. А то, не дай бог, упадёт какаянибудь железяка важной персоне на голову - и нет его. А мы виноватые.

Йормун кивнул, соглашаясь.

- Безопасность прежде всего, так говорю, - сказал тюремщик и распахнул дверь, пропуская Йормуна внутрь.

Вонь и затхлый воздух вкупе с кузнечным жаром сбивали с ног. Йормун уткнулся носом в высокий воротник тёмносинего плаща.

- Стукните, как дела порешаете, - сказал тюремщик, и дверь за Йормуном с густым лязгом захлопнулась.

- Айе! - сказал Йормун.

Глава 3

Высокие окна в комнатах Хельги выходят на восток - по утрам солнце заливают пол длинными золотыми прямоугольниками. Но к вечеру, когда Хельга чаще всего сидит здесь одна, свет уходит, оставляя после себя серый, тягучий полумрак.

Никаких ковров. Никаких гобеленов. Только гладкий каменный пол, выскобленный до бледносерого блеска. Хельга любит ходить по нему босиком, когда никто не видит.

У окна - стол. Тяжёлый, дубовый, потёртый временем. За столом сердитая Элоди ест тыквенную похлёбку: старательно работает ложкой, не глядя на мать. Дует.

Хельга какое-то время смотрит, как дочка поддевает кусочек морковки. Чем больше овощей - тем вкуснее. Любимая еда Элоди. Хельга старается, чтобы дочь поменьше мелькала перед княжеской четой, но чувствует, что ничего из этого не выйдет.

Запах в комнате - горький, терпкий, успокаивающий. Полынь, зверобой, сушёная ромашка, что-то смолистое и тёплое, словно дым от костра. Он въелся в стены, в одежду, в волосы. Элоди когда-то говорила, что у мамы пахнет, как в лесу после дождя.

В углу, за ширмой из выбеленного льна, - сундук. Низкий, окованный медью, с замком, который Хельга никогда не запирает. Внутри - то, что осталось от её прошлой жизни: белое одеяние Дочери, сложенное так аккуратно, будто его всё ещё носят; серебряный обруч для волос, на котором стёрлась позолота; и связка сухих трав, перевязанных чёрной нитью - та, что когда-то должна была защитить её от любви.

Рядом с сундуком - маленькая корзина. В ней - деревянная лошадка с отбитым ухом, сломанная кукла без лица и букетик засохших полевых цветов, перевязанный выцветшей лентой. Вещи Элоди. Те, что Хельга не выбросила, когда дочь выросла.

- Доела? Дай уберу, - Хельга подходит с тряпкой, едва миска пустеет.

- Я сама могу.

- Знаю, - отвечает Хельга и продолжает вытирать стол.

- Ты опять ходила к нему.

- Никуда я не ходила.

- Я видела. Ты стояла у дверей его лаборатории. Ждала, пока он заметит.

Хельга не поднимает головы.

- Я заходила за зверобоем.

- Ты врешь.

- Элоди

- Он даже не смотрит на тебя. Он тебе в сыновья годится. Было бы здорово, если бы он был твоим сыном, а, мам?

- Ну что ты такое говоришь?

- Или ты хочешь, чтобы он стал твоим мужем? Он молод и хорош собой. И тебе никто не запретит быть с ним.

- Ты должна оставить эти бредни. Или хотя бы не произносить их вслух.

- Что? Я не вру.

- И в кого ты такая?..

- Только ты знаешь, в кого!

Грязная тряпка щёлкает по столу, словно удар розги. Элоди вздрагивает и замолкает, глядя на побелевшую от ярости мать.

- Что ты будешь делать, если меня всё-таки выдадут замуж? - вдруг тихо спрашивает Элоди. - Я ведь не останусь рядом с тобой навсегда.

Йормун шагнул в тесную комнатку, заваленной железным ломом и освещённой тусклым светом керосиновой лампы под потолком. Кузнечные принадлежности уже лежали на своих местах. В печи горел огонь.

Спал цверг на старом сундуке, покрытом сверху шкурами, старыми шерстяными одеялами и прочим тряпьем. Йормун разглядел даже собственный плащ - тот самый, бывший когда-то синим. В нём он убегал с пира Альфедра, кутался ночами, в этом же плаще видел смерть молодого князя.

Рядом с сундуком стояло ведро с нечистотами. Йормуна затошнило, и он принялся мелкими порциями вдыхать воздух через рот.

- Айе, коль не шутишь, - сказал Бьярне. Борода его сваялась, в ней засохли кусочки еды. Он будто постарел: под глазами залегли тени, в волосах прибавилось седины. Пахло невымытым телом и желчью.

Сиги приказал перерезать сухожилия на ногах цверга. Теперь Бьярне выглядел как разбитый молот. Йормун не решался подойти ближе: запёртый зверь становится ещё опаснее. Кто знает, что передумал цверг за дни и недели заточения.

- Как ты? - спросил Йормун: молчать становилось невыносимо.

- Чего явился? - проворчал Бьярне. - Вспомнить старые добрые времена? Так ты ещё молод, наживёшь ещё воспоминаний. А глазеть на старую развалину - невелика доблесть.

- По личному делу.

Йормун вынул из-за края плаща бутылку и поставил её на наковальню. Та озарила всё вокруг разноцветными отблесками бесчисленных стеклянных граней.

- На чём настойка? - деловито осведомился Бьярне.

- На полыни, - сказал Йормун. - Забирает крепко.

- А ты потом, - Бьярне окинул Йормуна насмешливым взглядом, - откуда спустишься? Голову себе не расшибёшь?

- Не расшибу, - ответил Йормун.

- А если я тебе? Я ведь чуть не убил тебя. Да и убил бы - не жалел.

- Я не злюсь на тебя на ту драку. Мы оба выжили - и ладно, - Йормун осторожно улыбнулся.

Передвигался Бьярне с помощью самодельных костылей. Йормун было дёрнулся помочь, но цверг легко перенёс вес, ухватился руками за край сундука и взгромоздился сверху.

- Открывай давай, - скомандовал цверг. - В които веки хоть напьюсь да посплю нормально.

Йормун отвинтил крышку. К запахам камерькузницы добавились запахи спирта и полыни.

- Хоть какая-то от тебя польза, - сказал Бьярне. - Даром что одолел. В честном бою одолел - тут я не в обиде. А вот то, что пленили да искалечили, этого спустить не могу. Ой, умоется князь слезами, ещё умоется.

- Не боишься, что я передам князю твои слова? - Йормун огляделся в поисках посуды.

- Из горла попьём, если ты не из брезгливых. А если из брезгливых - то пшёл отсюда, - расхохотался Бьярне и, противореча собственным словам, достал неглубокую кружку, похожую на маленький ковшик. - На вот, себе отлей. Не хочу из одной посуды с тобой хлебать.

Йормун аккуратно отлил себе зеленоватой жидкости. Запах полыни немного перекрыл вонь.

- Знали бы Дочери, во что превратили их Башню, - усмехнулся он, прикладываясь к кружке губами.

- Смотри, как бы тебе самому здесь не оказаться, - оскалился цверг. Но после первого же глотка закатил глаза и довольно причмокнул.

- Я давно хотел зайти к тебе. Мы с тобой одни в округе, кто знает толк в рунах. Мне даже поговорить не с кем, - пожаловался Йормун.

- А чего раньше не приходил поговорить? За такоето пошло я бы всякую ерунду выслушал. Надобности не было, так и скажи. Да и злился на меня, небось.

- Сиги посылал меня по своим делишкам. Он человек практичный. Не только тебя использует по своим надобностям.

Бьярне сплюнул при звуке имени князя.

- Я добыл ему жену - такую стерву, что она сживёт со свету и меня, и его, и ещё с десяток человек в придачу. Бывшая князя в меня влюбилась, а её дочка бежит за мной с кулаками. И теперь наверняка придётся ехать в дыру, куда и Луна не заглядывает.

Йормун вздохнул.

Бьярне отхлебнул прямо из горлышка бутылки.

- Столько бед у тебя, - сказал он. - Мне даже неловко стало.

Йормун снова криво улыбнулся.

- Я не хотел смеяться над твоим положением, прости меня.

- Женщины, - пожал плечами Бьярне. Он поболтал бутылку, принюхался к горлышку и сказал: - Давай, что ли, за них выпьем, - и сделал большой глоток.

Йормун от протянутой бутылки отказался.

- Можешь меня отсюда вытащить? - спросил Бьярне без обиняков.

«Зачем?» - едва не спросил Йормун, но вовремя прикусил язык: после такого вопроса он и в самом деле мог оказаться с разбитой головой.

- Сейчас прямо не выйдет, - уклончиво ответил Йормун, чуть отступая, но стараясь не выглядеть так, будто пятится. - Сиги держит тут всё под присмотром. Но я приглядываю за тем, как у него дела идут. Если появится щель, я её замечу.

- То есть ничего не можешь, - хрипло бросил Бьярне, и в его взгляде мелькнуло раздражение.

- Не могу сейчас, - спокойно признал Йормун. - Но не брошу. Если будет хоть малейший шанс, я его не упущу.

Бьярне прищурился, будто взвешивал каждое слово, потом коротко хмыкнул - не то поверил, не то просто устал спорить.

- Он отошлет тебя подальше, чтоб глаза его тебя не видели, дада. Но не навсегда. И, сдаётся мне, ты ещё тот вертихвост. Прямо как папашка твой.

Йормун поморщился. В его краях слово «вертихвост» значило не то, что, вероятно, подразумевал Бьярне.

- Бьярне, - сказал Йормун, - у меня есть просьба.

- Да катись ты! - Бьярне добавил ещё парочку специальных цверговых словечек.

- Сделай ожерелье для княжеской жены. Витое, красивое, чтобы она носила его. Вроде как в знак смирения.

Бьярне разразился хриплой бранью.

- На ожерелье добавь этот амулет, - продолжил Йормун, когда поток слов цверга иссяк. Из потайного кармана плаща он вынул маленький круглый камешек - похожий на тот, который носил сам. Тонкая резьба обрамляла его.

- На счастье, - сказал Йормун и зловеще усмехнулся.

Бьярне уставился на него на секунду, потом выхватил камешек из руки. Долго ворочал в широких ладонях, разглядывая то с одной стороны, то с другой, прикидывая, в чём подвох.

- И что? - спросил он.

- И Раннвейг заживёт счастливо, - сказал Йормун с ухмылкой.

- Счастливо? - повторил Бьярне.

- Очень, - заверил его Йормун.

- Сделаю, как говоришь, раз счастливо. Что, такая вредная баба?

Йормун пожал плечами.

- Женщины, - произнёс он с глубокомысленным видом. - Только не говори никому. А насчёт отсюда я буду смотреть, где у них слабина. Если что - ты первый узнаешь.

Хозяин в тот день впервые пришёл пьяным. Он и раньше возвращался навеселе с княжеских пиров, но всегда - на своих ногах. На этот раз его принесли. Стражник с башни молча скинул Йормуна с плеча, как куль с мукой.

- На вот, - сказал он, - своего чародея. Облакался зелья, ногу на лестнице подвернул.

Ругер низко поклонился - не столько стражнику, сколько собственным мыслям. Он был стар, почти лыс, и только редкие седые волосы ещё держались за ушами, словно последние воины на руинах крепости. Втайне он надеялся, что хозяин найдёт способ вернуть ему молодость - но не потому, что хотел стать красивым. Просто старые кости ныли к непогоде, а Ругеру надоело гадать, будет ли дождь, по тому, как ломит поясницу.

Йормун, лёжа на каменном полу, приоткрыл один глаз.

- Нога болит, - сообщил он с улыбкой, будто в этом была какаято забавная нелепость.

Он попытался подняться, снова рухнул, выругался сквозь зубы и пополз к двери. Ругер подхватил его под мышки и помог добраться до опочивальни.

- Надо же так нализаться, - пробормотал стражник, но без осуждения - скорее с уважением к способности выдержать такую хмельную бурю.

- Не было такого никогда, - признался Ругер, стаскивая с хозяина сапоги.

Стражник помедлил у двери.

- Слушай, - сказал он вполголоса, - а правда, что он может золото из камней делать?

Ругер хмыкнул, не оборачиваясь.

- Умел бы - платил бы мне больше.

- Справедливо. А ещё говорят, наложил чары на дочку Хельги. Та в безумие впала. Чаровница что ходит к нему?

- Ходит - и ходит, - Ругер пожал плечами. - Только толкуто. Вороной смотрит, приглядывает, а сделать ничего не может. Силён мой хозяин, силён.

- Да я вижу, - усмехнулся стражник. - Лады, бывай.

Он вышел, и шаги его постепенно затихли в коридоре, растворяясь в тяжёлой тишине замка.

Ругер присел на корточки, глядя на Йормуна. Тот дышал тяжело, но уже ровнее. Во сне черты его разгладились, и он казался моложе - почти мальчишкой. Ругер покачал головой, будто сам себе не верил, что дожил до этих дней, когда приходится нянчиться с чародеем.

В дверях бесшумно возник Севаль. Он по-птичьи наклонил голову, быстро обшарил комнату взглядом и присвистнул.

- Полынная настойка? Откуда притащили?

- А тебе до всего дело, - огрызнулся Ругер.

Севаль шагнул в комнату, но замер, краем глаза заметив письмо, торчащее из кармана Ругера.

- Что это у тебя?

- Не твоё дело.

- Ругер, - голос Севаля стал тихим, но жёстким, - отдай.

- Не тебе.

- А кому?

Севаль сделал резкий шаг вперёд. Ругер, не ожидая такой прыти, попятился, потерял равновесие и завалился на спину, выронив письмо. Севаль подхватил его с пола и, не глядя, сунул за пазуху.

- Что у вас тут? - сонный голос Йормуна раздался из темноты. Он приподнялся на локте, щурясь.

- Ничего, ничего, - мягко сказал Севаль на ирмунсульском. - Спите. Завтра вставать рано. Йормун посмотрел на него долгим, мутным взглядом, в котором мелькало недоверие, смешанное с усталостью, потом опустил голову и снова засопел.

Севаль выдохнул. Он прошёл в соседнюю комнату, зажёл свечу и развернул письмо. Ругер вошёл следом, тяжело опираясь на дверной косяк.

- Чаровница писала, - произнёс Ругер скорее как утверждение, а не вопрос.

Севаль не ответил. Он пробежал глазами по строкам, узнавая и почерк, и запах - сухие травы, что-то горькое, будто осенняя листва перед первым снегом. Потом поднёс письмо к свече и смотрел, как пламя пожирает пергамент, превращая слова в пепел.

- Что там? - Ругер не выдержал.

Севаль стряхнул пепел с пальцев.

- Просит прощения за неразумную дочь, - сказал он. - Больше не придёт. Кажись, князь вколотил в неё разума. Передай своему хозяину - его нравоучения достигли цели.

Ругер усмехнулся недобро.

- А ты Эйрику побежишь докладывать?

Севаль обернулся. В его глазах мелькнуло что-то неуловимое - может быть, усталость, а может, насмешка над самим собой.

- Может, и побегу, - сказал он. - А может, и нет. Эйрик сейчас затаился, но это не навсегда. Он себя ещё покажет.

- Значит, ты ему служишь? Из верности?

Севаль посмотрел на огонь, который почти погас, оставив лишь тонкую нить света.

- Служу тому, с кем выгодно, - сказал он. - Но с тобой, Ругер, я честен. Хотя бы потому, что ты тоже не святоша.

Ругер хмыкнул, но спорить не стал. Он вышел в коридор, оставив Севаль одного с догорающей свечой и тишиной, которая вдруг стала слишком громкой.

Йормун проснулся за полдень. Непривычно хмурый Севаль и не менее хмурый Гарриетт сидели возле его постели и играли в тавлеи. На потемневшей доске едва угадывались линии поля. Севаль защищал короля, Гарриетт наступал: он как раз блокировал вторую сторону, пресекая паническое бегство фишек Севалья, когда Йормун пошевелился и схватился за голову.

Оба игрока встрепенулись. Севаль бросился за водой - кувшин стоял тут же, возле кровати, но вода успела согреться и показалась противно склизкой на вкус. Гарриетт встал над Йормуном и покачал головой.

- Где ты умудрился так надраться? - спросил он. - Вчера князь тебя искал.

- Да? Сейчас оклемаюсь и пойду.

- Уже не нужно, - сказал Гарриетт и бросил на грудь Йормуна деревянную шкатулку. - Подарок от княгини, чтоб не слишком злился. Сегодня отправляемся в Уллаильм.

- Где это? - Йормун приподнялся на кровати и отхлебнул из кружки, которую заботливо поднёс Севаль.

- Лунолика знает где. На западе.

- А. Очередная саранча?

- То был жучок, - поправил его Гарриетт.

Княжескую свадьбу Йормун пропустил изза нашествия жучков на княжеские поля. Дело сочли безотлагательным, так что Йормун, надеявшийся вкушать все радости свадебных празднований, был вынужден со вздохами и ругательствами ехать в дальнюю деревушку, чтобы предупредить эпидемию.

По возвращении он доложил, что никакого жучка на полях не оказалось, зато свёкла у крестьян растёт превосходная, а княжеское поле срочно нуждается в прополке. Старосту деревни казнили. Крестьяне в тот же день вышли в поле и работали до самых сумерек. Их собственный урожай конфисковали. Йормун до сих пор подозревал, что Раннвейг просто хотела избавиться от него на время свадьбы, но тогда не придал её выходке значения.

- Я хотел отправиться после завтрака, если бы ты очнулся раньше, - сказал Гарриетт. - Не стоит дольше мозолить Сиги глаза. И, Йормун, надо что-то делать с его новой супругицей, иначе закончим жизнь либо в тюрьме, либо на плахе.

- Либо в башне, - пробормотал Йормун.

Он взял деревянную шкатулку, которую дал ему Гарриетт. Задел ногтем едва заметную руну, крышка откинулась с глухим хлопком. Гарриетт с любопытством заглянул через плечо. На кусочке белого шелка лежало яблоко - сухое, сморщенное, но всё ещё хранящее слабый, неуловимый аромат - тот самый, который он не мог забыть.

Йормун смотрел на него молча. Гарриетт склонился ближе.

- Что это?

- Яблоко, - сказал Йормун.

- Это я вижу. Что это за яблоко? Зачем?

Йормун сжал яблоко в ладони. Кожа треснула, запах стал сильнее.

Запах Гладшейна.

Запах Ванадис.

- Севаль, - скомандовал он, - умываться. Гарриетт, прикажи своим людям собираться: выезжаем немедленно.

- Вот прямо сейчас? - уточнил Гарриетт. - Скоро обед.

- Найдём где поесть, - отрезал Йормун. - Сам же говорил, что незачем мозолить княжеской чете глаза. Севаль, найди замок понадежнее и скажи Ругеру, чтобы никого не допускал в мои покои, пока меня не будет, - даже слуганок, понял? Скажи, что это мой личный приказ.

Севаль кивнул, попрежнему глядя на хозяина с неуверенностью, будто не верил, что похмельный человек может быть таким собранным.

- Поедешь со мной, - добавил Йормун. - Слуга в пути необходим.

- Неужели? - не выдержал Севаль, который и так молчал слишком долго. Он не хотел ехать, его пугал взлохмаченный и серьезный хозяин.

- Откажешься? - обернулся к нему Йормун.

Севаль поклонился и попятился к выходу.

- Что, и голова уже не болит? - осведомился Гарриетт м легкой насмешкой.

Йормун отбросил шкатулку вместе с яблоком как гнилую рыбу. Она упала с сухим треском, морщинистым комком выкатилось яблоко.

- Болит, - признал он. - И не из-за поила, которого я всего-то глоток глотнул. Но у суки той тоже скоро заболит. Ничего, Гарриетт, ссылка будет недолгой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.